

АМЕРИКАНСКИЕ «АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ» ГЛАЗА, УШИ И СОВЕСТЬ АМЕРИКИ

Н. А. Нарочницкая

Несмотря на появление в мире уже более четырех тысяч аналитических центров, во многом подражающих американским «мозговым центрам», американские «Think Tanks» остаются особым явлением. (Термин «Think Tanks»- «резервуар идей», который чаще переводится как «мозговой трест», возник во время Второй мировой войны и означал защищенное помещение, куда удалялись эксперты и военные для обсуждения¹). В то время, как филиалы или посланцы Фонда Карнеги, «Наследие» Брукингского института в других странах учат местные элиты смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», мозговые центры США работают исключительно на американские интересы. Отличительной особенностью американских «Think Tanks» является даже не их прямая связь, сотрудничество и обмен кадрами с Конгрессом, Государственным Департаментом, ЦРУ и другими учреждениями по сбору информации. Для этих «университетов без студентов», как их называли еще перед войной, «студентами» являются и правительство, и «политический класс» в целом. Они - суть мощная идеологическая и политическая скрепа американского истеблишмента, его костяк и интеллектуальный потенциал.

Эти мощные генераторы идеологии создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы сознания для посвященных и стереотипы для профанов, их широкая международная активность подменяет и дополняет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Наконец, именно они и составляют кровеносную систему связи между элитами, по которой циркулирует «истинное знание», в то время как СМИ виртуозно отождествляют интересы США с морально-этическими канонами универсума и обрабатывают многомиллионный «демос», наивно уверенный в своей мнимой «кратии».

Воплощением этого является Совет по внешним сношениям — это святая святых истеблишмента атлантического побережья Северной Америки. Многие эксперты полагают, что как центр принятия решений СВС стоит над администрацией США.

Американский "Совет по внешним сношениям" был задуман еще в 1916 году, в рубежный момент смены международного курса. Выход Америки на европейскую и мировую арену осуществляется с вызовом традиционному понятию национального интереса и суверенитета, с противопоставлением ему, как выражается Г.Киссинджер, "вселенской, основополагающей гармонии, пока что скрытой от человечества". Вильсонизм соединило с либеральным багажом кальвинистский пафос «орудия Бога» англосаксонских пуритан, доктрину «нации искупительницы» (Redeemer Nation) и «Божественного предопределения» (Manifest Destiny). Девиз на государственной печати США «Novus ordo Seclorum» – «новый порядок на века» из мистического задания стал воплощаться в реальности. «Realpolitik» никуда не исчезла, но подверглась «теологизации» – отождествлению собственных интересов с морально-этическими канонами универсума. Идеологизация внешней политики США вильсонизанского типа могла поспорить с ленинскими принципами внешней политики. Не защита национальных интересов, а достижение некой общемировой цели – вот что выдвигалось в качестве цели на мировой арене.

К началу XX века в США уже сформировался крупный центр финансовых интересов, который был связан тесными экономическими, политическими, культурными узами с финансовыми группами европейских держав. Родственным кру-

¹Второе значение английского слова **«tank»** - танк: боевая гусеничная бронированная машина с мощным вооружением. Исходя из этого значения, **«think tank»** - думающий танк, т.е. боевая машина этапа информационно-психологических войн с мощным информационным вооружением. Будущая Русская Победа будет завоевываться в ходе «танковых» сражений и наша Курская дуга еще впереди. - прим. редактора

гам Европы и Америки были одинаково чужды и мешали монархические и национально-консервативные устои европейских обществ и культуры, классические традиции международных отношений, сложившиеся с Вестфальского мира 1648 года. Исход войны для этих кругов и их представителей сулил лидерство в мировой идеологии и политике с обретением финансовых рычагов. Идеология вильсонизма породила проект пакта о Лиге Наций и Программу из 14 пунктов В. Вильсона.

Разработчиком этой новой внешнеполитической идеологии – прародительницы современной идеологии глобализма – по сути неовильсонизма в немалой степени являлись кадры будущего Совета по внешним сношениям. США выходят из своей “изоляционистской” доктрины с универсалистским проектом, автором которого был загадочный alter ego Вильсона полковник Хауз – фигура, недооцененная историками.

Главное в этом проекте – это отказ от национально-го интереса как основы политики и снижение традиционной роли национальных государств, создание первого типа универсальной международной организации – Лиги наций и интернационализация международных проблем. США сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах. Г. Киссинджер представляет эту подмену в качестве моральной и политической победы Нового Света над имперским Старым: “Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение столетий и ради которого, предположительно, вступила в войну. Америка с презрением отвергла концепцию равновесия сил и объявила “Realpolitik” аморальной. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение”.

Полковник Эдуард Хауз создал еще в 1916 году неофициальную группу экспертов для выработки модели будущего мира и роли в нем США. Исследователи отмечают не по чину огромное влияние этого серого кардинала, при котором Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на 35-й Ист-стрит. Послы воюющих стран обращались к нему, когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги.

Связи полковника были весьма разнообразны и нетрадиционны: банкиры Вандерлип, Варбург и Шифф, молодые братья Аллен и Джон Фостер Даллесы, раввин Уайз, журналисты и комментаторы, эксперты, Бальфур и Ллойд-Джордж. Известная под названием “The Inquiry” экспертная группа фактически руководила американской делегацией на Версальской конференции и вместе с банкирами объявила о создании Совета по внешним сношениям прямо в Париже. Однако первое же детище идеологии Совета встретило осуждение почвеннически настроенного американского тогда еще демократического истеблишмента.

Американский Сенат в 1919 г. при обсуждении Версальского договора и пакта о Лиге наций весьма заинтересовался закулисной стороной формирования позиции США в войне и происхождением вильсонизмской концепции послевоенного мира под эгидой наднационального органа, которая, по их мнению, подрывала суверенитет как основу международного права. Весьма любопытен допрос, которому Председатель Комитета по иностранным делам Сената подверг Бернарда Баруха, но так и не получил вразумительного ответа на наивный вопрос, возможно ли защитить интересы США в условиях примата международной организации. «Посвященный» Барух не собирался просвещать честного почвенника Бора о принципиально новых политических и финансовых механизмах обеспечения интересов и лишь многозначительно изрекал: «Полагаю, что мы это сможем, сенатор».

Роль Варбургов, Я. Шиффа, Моргана, Вандерлипа в подготовке послевоенного устройства и идейных постулатов для первого проекта «единого мира» стала предметом скандального разбирательства в американском конгрессе, возмущенном открывшимся обстоятельством, что текст документов Парижской конференции и, особенно, текст Пакта о Лиге Наций был известен банкирам ранее уполномоченных дипломатических представителей в Париже.

Комитет по иностранным делам обратил внимание на шокирующую деталь, обнаружив, что американские банкиры до 1917 года не только препятствовали вступлению в войну и отказывали России в кредитах на закупку вооружений, но просто сделали ставку на победу Германии, что перестало удивлять, когда выяснилось, что германская ветвь Варбургов – семья брата американских Варбургов владела главным пакетом акций Hamburg-American and German Lloyd Steamship Lines и банками, финансировавшими германское судостроение и военный флот. Я. Шифф, женатый на их родственнице, создал в США “Американский комитет по вопросу о нейтральной конференции”, который взял на себя задачу «установить мир с победоносной Германией». В ходе слушаний выяснилось, что именно те же люди и даже те же авторы первыми начали пропаганду новых идей и обвинения «европейской реакции» в развязывании мировой войны. В итоге американский Сенат не ратифицировал Версальский Договор и отказался вступить в Лигу наций.

Описанная идеология международных отношений и обоснование американской роли были первым продуктом начинающего Совета по внешним сношениям. Из-за позиции Конгресса США, в котором доминировали «почвеннические» настроения, на значительный промежуток времени американская внешняя политика оказалась в руках консерваторов – изоляционистов с лозунгом “подальше от Европы”. Потребовались определенные усилия, чтобы укрепить в США соответствующие круги для проведения выработанной кадрами Совета по внешним сношениям линии Хауза – Вильсона, и понадобился весь XX век для реализации их универсалистского замысла.

По признанию Директора Отдела политики и планирования Государственного департамента Ричарда Хааса, именно Совет по внешним сношениям в период изоляционизма «помог сохранить и поддержать готовность к глобальной вовлеченности некой «посвященной общи-

ны» внутри США и «поддержать теплящийся огонек мондиализма» в период между отречением США от Лиги Наций и наступлением Второй мировой войны.

В этот период Совет сливается с американским Институтом международных отношений. На обложке ежегодника - "Политического справочника мира" ("Political Handbook of the World") Совет объявил себя некоммерческим, неполитическим, внепартийным научно-исследовательским обществом, которое проводит непрерывные обсуждения по рассмотрению политических, экономических и финансовых проблем Америки в международном аспекте. Эта организация "представляет собой группу людей, многие из которых имеют обширный опыт в международных вопросах и которые желают научной и беспристрастной исследовательской работой помочь развитию благоразумной внешней политики США". Однако руководящий состав, тематика, наконец, материалы закрытых заседаний свидетельствуют, что эта структура теснейшим образом связана с финансовыми группами США, Морганом и Рокфеллерами, а также имеет прямой выход в Государственный Департамент.

К концу 30-х годов роль Совета по международным отношениям, его авторитетность как ведущей научно-исследовательской организации США по изучению международных проблем с определенного времени была намеренно подчеркнута во время участия на международном съезде научных обществ по изучению международных отношений, организованном Лигой Наций в Лондоне в 1939 году. Однако его роль разработчика внешней политики США и связь с Государственным Департаментом никогда не афишировалась, хотя может быть прослежена доказательно еще с довоенных времен. Более того, разработки Совета не раз служили основой для официальных внешнеполитических документов и даже текстуально совпадали с ними, причем не только американских, но и ряда стран, чья ориентация имеет важное значение для американских военно-политических планов в Европе.

Из довоенного прошлого Совета можно привести немало красноречивых примеров: председателями Совета были Норман Х. Дэвис, бывший также заместителем Госсекретаря США, Джон Дэвис, бывший в 1924 году послом США в Англии и кандидатом в Президенты США от демократической партии, который вплоть до 40-х годов был членом редколлегии "Форин Аффэрз", Оуэн Юнг - автор репарационного плана Юнга, он же президент «Дженерал Электрик». Исаия Боумэн, член Совета, был советником президента Вудро Вильсона, будучи в тесном взаимодействии с полковником Хаузом. Боумэн оставался членом Совета еще в середине 40-х годов, являясь членом одной из главных групп – «Территориальной», занимавшейся планированием будущего Европы после "нацистско-большевистской войны". Его имя всплывает в составе американской делегации в Думбартон-Окс. Г.Ф. Армстронг, председатель Совета в годы Второй мировой войны, был одновременно главным редактором "Форин Аффэрз", оставаясь на этом посту еще к середине 70-х годов. Все упомянутые деятели стояли в вопросах внешней политики на однозначно враждебных к России позициях, открыто формулируемых вплоть до 22

июня 1941 г.

К началу Второй мировой войны деятельность Совета можно охарактеризовать как совмещение аналитическо-концептуальной разработки тем стратегического характера для всех аспектов американской роли в мире, формулирования внешнеполитических программ и документов с конкретной дипломатической работой с союзниками и соперниками, связь с представителями оппозиционных и эмигрантских групп из других стран. Работа Совета еще до войны состояла не только в подготовке важнейших стратегических документов и оценок международного положения, но и в отсылке данных материалов в распоряжение Государственного департамента. Совет по-прежнему был теснейшим образом связан с английским королевским Институтом международных отношений в Лондоне («Chatham House»), который пересылал свои работы Совету.

На заседаниях Совета, работа которого необычайно активизировалась в периоды, готовящие или предвещающие серьезные геополитические сдвиги, всегда присутствовали и выступали с докладами представители оппозиционных или эмигрантских элит тех стран или территорий, важных для США, на которые они не имели возможность оказывать воздействия. Советские спецслужбы и «аналитические» отделы заинтересовались деятельностью Совета, судя по всему, после смены руководства Народного комиссариата иностранных дел (НКВД).

Литвинов не случайно считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте и при нем о деятельности Совета в НКВД ничего не писали. Однако М. Литвинов сам прекрасно был о ней осведомлен, так как был в составе группы «из пяти высокопоставленных большевиков» которая в 1929 году наносила Совету визит, после чего через некоторое время Совет рекомендовал правительству признать СССР. Редкие документы о том визите пока еще в России находятся за семью печатями, поскольку эти большевики «первого» космополитического разлива явно обещали некую экономическую и политическую стратегию, приемлемую для США.

С легкой руки Литвинова, писавшего в НКВД все аналитические записки с оценками американской политики в целом и перспектив отношений с СССР, в советской довоенной историографии всегда выделялась «демократическая Америка», более «терпимая» к большевикам. Это была сущая правда, и в этой стратегии определенную роль играл Совет по внешним сношениям. США оказывали большевикам немалую помощь средствами и кадрами революционеров в самые ранние годы, затем договаривались с ними параллельно со своим участием в финансировании походов Антанты. Именно США были готовы немедленно признать большевиков на удерживаемой ими небольшой части России с одновременным признанием всех самопровозглашенных территорий. Однако, когда в 1922 году та же большевистская власть сумела восстановить единство страны, США долгое время (до 1933 года) отказывались признать в форме СССР основную историческую территорию России. Вопреки своим заверениям Белому движению о безысходности американской позиции по вопросу о безусловной необходимости сохранения Прибалтики как части России, США последовательно не признавали восстановление суверенитета СССР над этими территория-

ми. Дело было не в большевиках, а в геополитическом гиганте.

США признали СССР лишь после того, как в ходе засекреченного до сих пор визита в 1929 году в США группа из пяти высокопоставленных большевиков "отчиталась" об их дальнейших планах загадочному Совету по внешним сношениям. По словам У.Мэллори, исполнительного директора Совета, эти делегаты дали ответы, которые "удовлетворили аудиторию, состоявшую из американских банкиров, но могли бы дискредитировать этих людей дома". Удалось установить, что одним из них был М.Литвинов, имевший давние связи в англосаксонском мире, женатый на дочери английского историка и ставший Наркомом иностранных дел. Когда чувство родства с Новым светом испарилось, в СССР заподозрили в США геополитического соперника. Перед разведкой и аналитическими органами, по видимому, были поставлены новые задачи. Сразу было установлено, что многие важнейшие международные инициативы в Европе и темы заседаний Совета совпадают, хотя не имеют формальной связи, а его документы и материалы появляются затем в форме официальных заявлений и документов международных и американских инициатив. Так, подготовленные лондонским "Чэтэм хауз" "Планы по экономической реконструкции Европы" и "Немедленные послевоенные мероприятия по оказанию помощи и реконструкции в Европе", были рассмотрены на заседаниях Совета за два с лишним месяца до визита в США руководителя Бюро Межсоюзнического Комитета послевоенной помощи Лейт-Росса. Эти материалы появились в почти неизмененном виде как официальный документ Госдепартамента США, врученный Ачесоном М.Литвинову в качестве американского проекта соглашения о послевоенной помощи под названием "Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций" (ЮНРРА).

Меморандум "О мирных целях Норвегии", рассмотренный на заседаниях группы "По изучению мирных целей европейских наций" 30 июня 1941г., в большей своей части содержится в официальных документах норвежского министра иностранных дел Трюгве Ли, подписанных им в Лондоне 8 мая 1942 г. и врученных послу Богомолу 16 июля 1942 г. в качестве «Проекта основ норвежской послевоенной политики». Не без оснований в НКВД Совет назван "квалифицированной и солидной кухней по разработке, систематизации и подготовке не только абстрактных и перспективных проблем будущего послевоенного устройства, но и важнейших международных политических вопросов текущего оперативного порядка, некоторая часть из коих может весьма сильно затронуть интересы Советского Союза".

С самого начала Второй мировой войны под руководством Совета по внешним сношениям четыре группы экспертов работали по заданию Государственного департамента на средства фонда Рокфеллера над темами под общим названием "Изучение интересов Америки в военное и мирное время": Группа по вооружению, Финансово-экономическая группа, Политическая группа, Территориальная. Со 2 июня 1941 г., за три недели до нападения Германии на СССР, с одобрения Госдепартамента прибавилось еще одно подразделение под характерным названием: "Группа по изучению мирных

целей европейских наций" и группы резко интенсифицировали работу и издали ограниченным тиражом на гектографе ряд "строго секретных" документов и меморандумов, посвященных послевоенному порядку в Европе и мире с особым вниманием к территориям и странам, приграничным к СССР.

Членами всех важнейших групп одновременно являлись Г.Армстронг, У. Мэллори (принимавший секретный визит Литвинова), А. Даллес и ряд других ключевых координирующих фигур. Особо обращает на себя внимание целый ряд заседаний с докладами представителей эмигрантской элиты и бывших государственных деятелей Прибалтики - Литвы, Латвии и Эстонии, Польши, Венгрии, Норвегии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Австрии. Тематика заседаний и названия докладов и меморандумов посвящены классическим темам «реальной политики» и глобальным интересам США, мало соответствующим вильсонизму и Атлантической хартии. Интересы борьбы с гитлеровской мощью требовали вовлечения СССР, его материальных и человеческих ресурсов в войну против Германии, которую могла разгромить лишь континентальная держава, и Советский Союз приглашался в качестве союзника в борьбе против общего врага.

Что же Совет по внешним сношениям?

22 августа 1941 г. СВС посвящает американской стратегии в новых условиях заседание, прагматизм которого смутили бы Талейрана и Маккиавелли. Сама тема заседания: "Вопросы американской политики, касающейся нацистско-большевистской войны" и перечень вариантов демонстрируют изнанку, весьма отличную от риторики официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

Если большевистский режим сохранится:

а) станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера?

б) должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств?

в) в случае нападения Японии на Приморье должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке?

Если большевистский режим падет:

а) должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России?

б) должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией?

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

а) должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транс-Сибирской железной дорогой.

б) должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)»

Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения:

"Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до

Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты. Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы, если только желательно предотвратить повторение войны".

В развитие этой темы СВС провел до августа 1942 года исключительно интенсивную работу по систематизации и изучению возможностей переустройства послевоенной Европы, прежде всего ее восточной и центральной части, и издал около 500 "строго секретных" меморандумов, ставших сразу достоянием советских ведомств. В этих меморандумах проводится тщательный смотр всех сил и стран, на которые можно было бы сделать ставку, приглашаются все эмигрантские правительства или оппозиционные группы из тех государств, которые все еще не находятся под влиянием США. Сами доклады и обсуждения проходят в группе под названием, вполне соответствующим Атлантической хартии: "Группа по изучению мирных целей европейских наций".

В заседаниях принимали участие, иногда с докладами, А.Сметона - бывший президент Литвы, К.Р.Пушта - бывший министр иностранных дел Эстонии, А.Бильманис - "полномочный посол" Латвии в США, эрцгерцог Австрии Отто фон Габсбург, А.Грановский - президент организации по возрождению Украины, Л.Димитров - председатель «Македонской политической организации США и Канады», представители польской эмигрантской элиты, бывшие государственные чиновники Чехословакии и Румынии, О.Яши - бывший министр национальностей Венгрии и другие. Председателем этой важнейшей группы был сам Г.Ф.Армстронг, членами А.Даллес, У.Мэллори. Представленные в Совете «нации» не совпадали с государствами на официальной карте Европы до начала гитлеровской агрессии, что лишнее позволяет трактовать Атлантическую хартию отнюдь не как требование отвергнуть результаты гитлеровских завоеваний и вернуться к положению ante bellum (до войны), а, воспользовавшись этой агрессией, объявить пересмотр довоенных границ и карты Европы. Именно на эти "буферные" восточно- и центрально-европейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-е годы после краха России-СССР.

Судя по всему, еще до Пирл-Харбора и задолго до окончания войны в США лидеры американских деловых и политических кругов через свои наиболее квалифицированные организации, пронизавшие правительственные круги, приступили к активной разработке планов послевоенного устройства Европы и экономического и политического присутствия в ней США. Принято в целом считать, что окончательное стратегическое решение США "остаться" навсегда в Европе и инкорпорировать роль, интересы и потенциал Западной Европы в свою глобальную стратегию, составной частью которой стало поощрение и европейской интеграции, и "единой Европы", оформилось лишь в 1946 году. Еще в 1944 году впечатление о возможности возврата США к "изоляции" было распространено даже в самых верхних эшелонах внешнеполитического ведомства Великобритании. Об этом свидетельствует переписка британских эмиссаров в Европе с А.Иденом о будущем ев-

ропейском устройстве, а также некоторые материалы советских архивов, показывающие, что в беседах Молотова с Бирнсом – Государственным секретарем США – советская сторона выражала беспокойство возможным предпочтением США «замкнуться в своей скорлупе».

Однако секретные меморандумы Совета по внешним сношениям говорят о том, что те круги, которые занимались панорамным стратегическим планированием не только внешней политики, но места США в грядущем периоде мировой истории, еще в начале войны, задолго до того, как к этому склонились Государственный департамент и Конгресс, постулировали заинтересованность США в «интеграции» Европы и в универсалистских структурах, которые США должны контролировать и направлять.

Важнейшей стороной его деятельности стало мировоззренческое программирование специфическими методами – выработка базовых аксиом и клише в сознании научной и общественно-политической элиты через свои издания, особое место среди которых занимает журнал "Форин Аффферз". Авторитетность журналу придало не только высокое качество публикуемых аналитических материалов и статей ведущих имен американского политического и политологического сообщества. Журнал превратился в форум, на котором обкатывались внешнеполитические концепции, доктрины и инициативы, которые только что стали или вскоре становились практическим внешнеполитическим курсом или сегментом этого курса США. Что было первичным – вопрос сложный.

Публикация в «Форин Аффферз» делала новое имя авторитетным, а его суждения привлекали внимание как мнения, разделяемое частью государственных ведомств. Однако именно в журнале «Форин Аффферз» в 1947 году вышла анонимная статья, принадлежавшая Джорджу Кеннану «Истоки советского поведения», где была сформулирована «доктрина сдерживания» 1947 года.

В 1963 году тот же Дж.Кеннан поместил статью под названием «Полицентризм и западная политика», где разъяснялись выгоды от некоторого ослабления военной истерии против СССР и социалистического блока и предлагалось стимулировать постепенный отход восточноевропейских участников Варшавского пакта через формирование из них более самостоятельных центров силы. Именно в соответствии с этой концепцией США всегда отказывались вести дело с о всем блоком, чтобы не повышать наднациональную роль СССР и его влияние, и даже пошли на смягчение закона о торговле стратегическими товарами в отношении фрондирующих партнеров в Варшавском пакте. Доктрина эта была отставлена вводом войск в Прагу в 1968 году. Легковесные и исключительно идеологические комментарии по поводу очередной годовщины этих событий обошли как главный смысл этой акции со стороны СССР, так и главный ее итог для позиций СССР и международных отношений. Понимая, что Запад выжидает, пока пражская «весна» перейдет в жаркое «лето», и Прага будет готова выйти из Варшавского договора, СССР показал Западу, что готов даже ценой очевидной потери престижа в общественном мнении и антирусских

настроений в самой ЧССР, ценой нарушения международного права подтвердить свой контроль над геополитической зоной ответственности, определенной не только Сталиным, но и Черчиллем и Рузвельтом, и не допустить распада военно-стратегического пространства. США, проинформированные об акции самим советским руководством, признали эту сферу, в отличие, скажем, от Афганистана, вход в который был воспринят как расширение зоны коммунизма и влияния.

Крах иллюзий на отрыв поодиночке социалистических стран от СССР привел США к разрядке. Прямыми результатами ввода войск в ЧССР были договоры ФРГ и СССР 1970 года, последующие договоры ФРГ с Чехословакией об отмене Мюнхенского сговора как недействительного с самого начала, визит Р.Никсона в Москву, встреча во Владивостоке, весь комплекс договоров в области ядерного разоружения, включая его фундамент – Договор о противоракетной обороне 1972 года и Протокол к нему 1974 г. ОБСЕ также никогда бы не пришло к завершению без этой акции, которая побудила Запад подтвердить в Заключительном акте Хельсинки неизбежность послевоенных границ и реалий, в обмен на согласие СССР на сокращение вооружений в Европе. С такими же целями подтвердить свой контроль над некими ареалами США вводили войска в Гренаду и т.д.

В конце 60-х годов на страницах «Форин Аффэрз» появляется имя З.Бжезинского, которого извлек из неизвестности Дэвид Рокфеллер – человек, занимающий весьма важное место в конструировании идеологии глобализма и ее институционализации. Финансово-промышленный магнат, глава одного из крупнейших банков “Чейз Манхэттен”, он являлся в течение ряда лет президентом Совета по внешним отношениям.

В деятельности Совета по внешним сношениям можно проследить ступени развития доктрины глобализации, к осуществлению которой мир нужно было подготовить. Уже в 60-70-е годы пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX века по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегии отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчетами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Между двумя мировыми войнами речь шла о рычагах воздействия на оформление нужного идеологического, политического и экономического облика мира, об условиях накопления экономической и финансовой мощи. Этому служили паутина Хауза – Вильсона – Ллойд-Джорджа, создание Совета по международным отношениям. В этот период были испробованы и первые международные политические и финансовые учреждения – Лига Наций и Банк международных расчетов. Созданный планом Юнга (председателем Совета в 20-е годы) якобы для решения репарационного вопроса, он успешно институционализировал ведущую роль в европейской политике англосаксонского финансового капитала.

После Ялты и Потсдама Запад потратил огромные ресурсы для компенсации нового соотношения сил. История плана Маршалла, интеграционных механизмов от

Рима до Маастрихта, военного блока НАТО – хрестоматийна. Новым в этом процессе было не создание альянсов – с давних времен формы мировой политики. Новым был их тип и уровень, ибо они не просто ограничивали в силу обстоятельств, а качественно необратимо размывали национальный политический и экономический суверенитет. Одним из первых “европейских сообществ” стало “Европейское объединение угля и стали” – сырью не только войны, но и всей экономики. Была создана военно-политическая матрица и она задавала экономическую структуру, потребности развития стран, обеспечила рост американского ВПК и ТНК, которые постепенно становятся силой, оказывающей решающее воздействие на правительства стран базирования и принимающих стран, влияющей на мировую политику и экономику”.

Американский Совет по внешним сношениям еще в начале войны дал меморандум о пан-Европе, в которой нужно было растворить и интегрировать германский потенциал, устранить дорогостоящие традиционные противоречия между германцами и романцами. Запад под эгидой США выстраивался как единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое. Идеи единой Европы и постепенное превращение Европы в некое супер-государство с наднациональными институтами управления были составной частью глобальной стратегии США. Американское политическое сознание постепенно отождествляет себя с Западом в целом. В таком ассимилированном сознании утверждается мотив не просто сильнейшего, а тождества мира и себя, где остальные – провинция, не имеющая права на историческую инициативу.

По мере утраты коммунизмом всякой привлекательности для западного мира, теряет свои изначальные благородные черты классический либерализм, выдвигая на смену идеалам Просвещения – суверенитету народа, равенству, универсализации прогресса, новый всемирный идеологический проект. Имя новой идеологии – глобализм, а авторы и спонсоры его в немалой степени широкие круги, воспитанные Советом по внешним сношениям. В книге “Первая глобальная революция” А.Кинга и Б.Шнайдера, вышедшей под эгидой знаменитого Римского клуба, сказано, что началом “глобальной революции” нужно считать 1968 год. Хотя первые революционеры указаны не были, некоторые имена руководителей можно назвать достаточно уверенно. Среди них Дэвид Рокфеллер.

Именно Совет по внешним сношениям стоял в 1968 году у истоков создания Римского клуба. Именно Д.Рокфеллер поручил З.Бжезинскому возглавить созданную также не без работы СВС Трехстороннюю комиссию, тоже своего рода клуб, объединивший в 1973 году крупнейших представителей делового и политического мира США, Западной Европы и Японии. В 1968 году З.Бжезинский писал: “Наша эпоха не просто революционная. Мы вышли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были

мягкими реформаторами”.

Хотя имя В.Вильсона непосредственно не увязывали с процессами в 70-е годы, именно вильсонская пацифистская идея «мира как концепции», которой должны быть подчинены интересы государств, и идеология «единого бесконфликтного мира» увели целое поколение политологов от изучения проблем реальной политики. Первый опыт подобных форумов и диалогов «по поиску взаимопонимания» представили американские «Think Tanks», среди них Фонд Карнеги, американский Институт мира, и конечно СВС. Задачей таких инициатив сам Государственный департамент называет «превентивную дипломатию». Они служат «либо дополнением к официальным действиям США, либо заменяют их, когда официальное американское присутствие невозможно».

«Конфликтология» абстрактных величин не предполагает сопричастность к событиям и позициям. В ней изучается не задача достижения национальных интересов, а методика их принесения в жертву абстрактным принципам, на деле же осуществляется цель не допустить резкого изменения баланса сил из-за неожиданного усиления того или иного участника или появления новой региональной супердержавы. Это закрепление и консервация сложившегося соотношения сил, где уже оформились лидеры. Конфликтология стала научной дисциплиной, для которой создана по всему миру сеть научных центров (Стокгольмский (СИПРИ), Гессенский институты и аналогичный Институт в Тампере – (ТАПРИ). Проблемы мира и конфликтов стали темой бесчисленных международных семинаров и курсов.

Политика этих центров - заключать контракты с политологами и экспертами разных стран - сделала научные и политические кадры центров подлинно космополитическими. Наконец, в международном политическом сознании легализуется само понятие глобальное управление – Global Governance, необходимость которого постепенно вводится в аксиоматику «науки о международных отношениях». В 1995 году именно в США под таким названием начинает выходить солидное периодическое издание. Бывший директор ТАПРИ Р.Вэйринен издает в Бостоне труды о глобализации и глобальном управлении. Глобальное управление требует открытости всех обществ мира, а также определения круга избранных, обладающих правом управлять, и обоснования этого права. Из этой аксиомы следует задача подтолкнуть «закрытые общества» к преобразованию в определенном направлении, а также подготовить мир к замене основополагающих принципов международного общения – принципа суверенитета государства-нации, невмешательства и создания нового абстрактного субъекта международных отношений – «мирового сообщества». Зб.Бжезинский, ставший советником по национальной безопасности, воспитанник СВС, вспоминал в мемуарах, как клише защиты прав человека в соответствии с новой стратегией вписывалось во все программы, речи, заявления, повестки, условия. Идеология примата прав человека, резко вброшенная Дж.Картером и повернувшая США от разрядки, была новой тактикой, гуманитарная интервенция в 1999 году стала ее продуктом.

Американский СВС активно пропагандировал понятие «мирового сообщества», хотя английский политолог Хедли Булл расшифровал, что внутри этого мирового

сообщества существует некое «мировое общество», - некий ведущий, избранный и единый в своих целях и принципах «концерт», который составляли западные страны.

Идеи глобализма в СССР были подготовлены при Н.Хрущеве, несмотря на его демагогические поношения капитализма и перенос “обострения классовой борьбы” в область соревнования двух систем. С Хрущева реанимируются универсалистские мотивации политики, идея мировой революции (в форме соревнования с капитализмом и борьбы за третий мир, поглощавшей золотой запас). Возобновляется и умелое формирование Западом экономической и политической зависимости от него СССР, направление советской экономики по экстенсивному пути, резкое увеличение экспорта сырья, а также подготовка обстановки моральной зависимости от Запада третьего поколения советской партийной и административно-научной номенклатуры через ее втягивание в свою орбиту.

Этому служила деятельность открытых форумов подобно Римскому клубу, который провозглашал цель побудить страны мыслить глобально и “осознать мировую проблематику”. Его призывы были обращены к международным интеллектуальным силам, глобалистские подходы пропагандировались как веление времени. Первые два доклада Римскому клубу - доклад Д.Мэдоуза “Пределы роста”, изданный на 30 языках многомиллионным тиражом, и доклад Месаровича-Пестеля “Человечество на перепутье” - намеренно убеждали в неизбежной гибели мира вне механизма мирового контроля над ростом и развитием и предупреждали о невозможности всем следовать примеру развитых стран. В семидесятые годы в международном лексиконе были легализованы термины мировой порядок и идея его пересмотра под эгидой мировой элиты (проект РИО) - третий доклад Римскому клубу голландского экономиста Яна Тинбергена.

Идея пересмотра мирового порядка в первую очередь направляла общественное сознание и мысль к глобализации, к поиску новых универсальных механизмов, которые бы «гармонизировали» доступ к мировым ресурсам и обеспечили новые не прямые рычаги управления мировым развитием. Хотя Западу приходилось сталкиваться с напором развивающихся стран, возмечтавших о справедливости, принятые ООН Декларация и Программа действий по установлению нового мирового экономического порядка остались «антиимпериалистическими» иллюзиями, что не относится к концепции конца суверенитета.

Именно в период эйфории равенства и «пересмотра несправедливого экономического порядка» строились механизмы и испытывались технологии глобального управления, формировались идеология и кадры – насчитывающая миллионы прослойка международных чиновников, переходящая из одной организации в другую и кочующая от Бангкока до Женевы. Запад выдержал все неизбежные издержки «детских» идеалистических надежд на подлинно «универсальный» глобализм и одновременно выиграл от этого периода право именовать себя «мировым сообществом». Сразу после краха СССР этот «новый субъект» международных отношений дал понять, что принцип эгалитарности и универсализма не распространяется на прогресс и развитие. Организация Зеленого креста во главе с М.Горбачевым на конферен-

ции в Рио-де-Жанейро в 1992 году уже жестко предупредила страны, что мир не может выдержать повторения бедными государствами опыта развитых, а в Киотской декларации в 1993 году было уже указано, что препятствием к решению глобальных проблем являются «наши представления о национальном суверенитете». Адепты глобализации с удовлетворением отмечают возрастание юридического статуса последующих протоколов в качестве «шага к распространяемой справедливости».

В отличие от конфиденциальных докладов Трехсторонней комиссии, созданной по идеологии СВС, призывы к совместному решению мировых экономических проблем и «проблем человечества» прямо адресовались мировой и в немалой степени советской элите, приглашая ее стать частью этого механизма. Советская интеллигентная и номенклатурная элита стала остро ощущать гнет своей идеологии, но не потому, что та разочаровала ее как инструмент развития собственной страны, а потому, что стала помехой для принятия в элиту мировую. Цена за место в мировой олигархии была названа в эпоху М.Горбачева.

В конце 90-х годов XX века Совет охватывает практически все важнейшие общественные институты и государственные структуры США - Конгресс США, Государственный департамент и министерство обороны, банки, финансовые корпорации и учреждения, крупнейшие промышленные корпорации, а также важнейшие информационные агентства, электронные СМИ и печатные издания, руководство и профессию колледжей и университетов. Из сенаторов и конгрессменов, по данным на 1998 год, среди демократов приблизительно в два-три раза больше членов СВС, Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба – этих мастерских либеральной глобализации под англосаксонской эгидой, чем среди республиканцев, которые, впрочем также изрядно представлены. В отличие от начального периода своей деятельности, Совет по внешним сношениям сегодня кажется внешне растворившимся в американском истеблишменте. Скорее, его можно сравнить с некой ложей посвященных, кормящей американский истеблишмент идеологическими и мировоззренческими скрепами.

Итак, только самый первый, беглый взгляд на систему связи мозговых центров и американского государства рождает мнение, что американские «Think Tanks» – это инструменты выработки официальной политики США. Более внимательное рассмотрение подводит к суждению, что, скорее наоборот, правительственные структуры и институты США, сама государственная стратегия США находятся под мощным, идейным и политическим мониторингом некоего всепроницающего и вездесущего лобби, выражающего интересы идеологических, финансовых и профессиональных элит, имеющих транснациональные интересы. Это лобби не выступает на политической арене открыто, но через эти структуры обеспечивают преобладание своих интересов в самих США и в мире.

Деятельность американских мозговых трестов нельзя недооценивать, хотя она и проходит в большей своей части вне объектива телекамер. Чисто американское явление, эти институты формировали не только саму полити-

ку США уже на протяжении 100 лет. Они лепили и отношение к этой политике как среди своих граждан, так и в мировом общественном мнении. Их деятельность во многом дополняет и подменяет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Именно в них рождаются новые концепции и доктрины, именно они поставляют кадры и экспертизу для правительственных учреждений. Они экспортируют политические клише и вводят в оборот новые стереотипы исторического сознания.

Очевидно, что за пределами США главной ролью «Think Tanks», кроме прощупывания позиций местных элит, является экспорт клише и стереотипов сознания. А это есть не что иное как идеологическое программирование. Эти учреждения, как правило, публикуют книги, проводят семинары и конференции, причем часто в других странах, работая с местными элитами. Так, Институт У.Мондейла поспешил в «демократическую Россию» в 1991 году и устраивал семинары и банкеты для нарождающихся партий некоммунистического толка. Некоторые из очарованных гостей затем стали российскими сотрудниками в московских филиалах американских центров. Международный центр Вудро Вильсона издал на русском языке для российской элиты книгу У.Лакера, - «председателя Совета международных исследований вашингтонского Центра по исследованию стратегических и международных проблем», в которой виртуозно осуществлялась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать фашизм, но избавить Запад от вины за него. Вторая мировая война трактовалась как война между двумя тоталитарными монстрами, а антисемитизм немцам якобы подсказали русские эмигранты.

Нынешний передел мира являет невиданный синтез империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма Вудро Вильсона. К слабым странам применяется сила вместе с тезисом, высмеянным еще американцем Коулмэном: «Мы управляем вами, так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло». По отношению к структурным элементам системы международных отношений, прежде всего России, которая ранее была объективным препятствием переделу мира, применяется идеология глобализма. Составной ее частью является воздействие на сознание. Обывателю внушается идеал неоспричастности к делам Отечества, а элите - иллюзия сопричастности к мировой олигархии и уверенность в том, что «США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели».

Поэтому политикам и политологам, участвующим в конференциях и приемах филиалов Фонда Карнеги или Института Мондейла, принимая их поощрительные хлопывания по плечу, полезно было бы иметь в виду, что, по откровенному признанию Отдела политики и планирования Государственного Департамента, «в самых темных углах мира эти структуры служат глазами, ушами и совестью Соединенных Штатов».

<http://www.narochnitskaia.ru/>

Подписной индекс газеты "Знание-Власть!" 25913 по каталогу "Поспечать".

Адрес: 142003 М.О. г.Домодедово-3, а/я 4. Тел. (095)951-57-01 e-mail: znanie99@mail.ru сайт: www.znanie2000.narod.ru